

Это неподдельное, наивное творение доселе никому не известного маленького высочества было исполнено такой детской неумелости, что у Сюнь Мулуна ушло немало времени на обдумывание отказа.

— Ваше Высочество, — Сюнь Мулун пристально заглянул в глаза юноше с белыми волосами, и в его взгляде читалось неодобрение. — Вы только что поступили в академию, и я не считаю, что это подходящее время для посторонних дел. Пожалуйста, соберитесь и впитывайте знания, которые преподают вам выдающиеся наставники из самых разных областей. Возможно, в будущем они вам и не пригодятся, но по крайней мере это сделает ваш внутренний мир шире.

Столь бестактные слова заставили хрупкого беловолосого юношу слегка бледнеть. Не привыкший спорить, маленькое высочество покорно кивнуло:

— Да, генерал, я понял.

Этот изящный и красивый юноша в одно мгновение сник, словно побитый морозцем баклажан. Сюнь Мулун невольно усомнился, не был ли его тон слишком резким, и, немного смягчив голос, утешил:

— У Вашего Высочества отличные успехи в учебе и очень красивый почерк. Думаю, Его Величество с удовольствием поставит свою подпись на такой табели.

— Но... — Седьмое высочество слегка заволновался. — Я очень хочу, чтобы именно вы оставили свою подпись на этой табели.

Расписаться? Сюнь Мулун лениво подумал, что этот никому не заметный принц полон неожиданных идей, раз использует такой способ, чтобы сблизиться с ним.

— К сожалению, — решительно и твердо отказал Сюнь Мулун. — Ваше Высочество, на вашей табели должна стоять подпись только вашего опекуна.

Если бы это был документ, который может подписать кто угодно, Сюнь Мулун, взвесив все за и против, пожалуй, мог бы и расписаться для этого юноши. Но табель успеваемости... Табель принца, которую непременно будут хранить и кому-нибудь показывать! И если на месте опекуна, иначе говоря, родителя, будет красоваться его подпись — на что это будет похоже?

Седьмое высочество посмотрел на него с мольбой в глазах:

— Вот поэтому я и прошу вас расписаться!

Сюнь Мулун приподнял бровь:

— Сожалею, Ваше Высочество, но у меня нет на это права.

— Вы имеете право! — с жаром произнес юноша. — Вы же мой...

— ПХУМ! —

Дверь кабинета Сюнь Мулуна резко распахнулась. Вбежавший Джейсон тяжело дышал, его лицо выражало крайнюю тревогу, и он выпалил без передышки:

— Ваша светлость! Ди Фэн сбежал!

Сюнь Мулун незамедлительно обратился к Седьмому высочеству:

— Ваше Высочество, у меня срочные дела, пожалуйста, прервите...

— Пожалуйста, распишитесь сейчас, генерал, вам понадобится всего секунда! — Беловолосый юноша говорил очень быстро, а в его глазах читалась трепетная мольба.

Сюнь Мулуну потребовалась ровно секунда на принятие решения. В следующее мгновение он выхватил из кармана перьевую ручку и размашисто расписался на табели с отличными оценками. Отложив ручку, Сюнь Мулун перевел взгляд на беловолосого юношу.

На лице маленького высочества наконец расцвела счастливая улыбка, и только теперь Сюнь Мулун заметил, что когда этот принц улыбается, на его щеках появляются ямочки — до того милые.

— Так пойдет, Ваше Высочество? — обратился Сюнь Мулун к Седьмому высочеству, проигнорировав то, как у подчиненного расширились глаза при виде Седьмого высочества.

Добившись своего и зная, что у Сюнь Мулуна дела, Седьмое высочество не стал затягивать и послушно произнес:

— Благодарю вас, мои люди заберут табель. А к нашему разговору мы вернемся, когда я буду ждать вашего возвращения на столичной планете.

Вежливое маленькое высочество учтиво поклонилось Сюнь Мулуну, и пара не желавших расставаться глаз еще мгновение задерживалась на нем, прежде чем связь между ними — их самая первая видеосвязь — прервалась.

Как только голограмма маленького высочества исчезла, Джейсон, ждавший в стороне и наконец обрешивший самообладание, шагнул вперед и торопливо доложил:

— Ваша светлость! Предатель Ди Фэн, которого лорд Тилаву поймал и конвоировал на столичную планету для суда, сбежал час назад! К тому же он ранил двенадцать бойцов из конвойного отряда!

Сюнь Мулун помрачнел, вскочил на ноги, схватил мундир и направился к выходу:

— Координаты!

Ди Фэн был предателем, которого Сюнь Мулун вычислял больше полугода; ему пришлось пойти на хитрость, чтобы вывести того на чистую воду. Ради секретности он даже не мог лично участвовать в аресте и конвоировании, перепоручив всё неприметному подчиненному Тилаву. Кто бы мог подумать, что стоило Тилаву покинуть пределы Кадуса и повести конвой на столичную планету, как в заданных координатах Ди Фэн сумеет ускользнуть.

Ди Фэн — простой канцелярский служащий, лишенный всяких боевых навыков — сумел ранить двенадцать человек под началом Тилаву. За этим несомненно стояли силы, которым он служил.

Прекрасная возможность!

Чеканя шаг, Сюнь Мулун быстрой походкой направился в арсенал. Спустя несколько минут генерал-майор, облаченный в боевой костюм, отобрал ровно пятьдесят солдат под командованием своих надежных офицеров Лукаса и Драмонда. Всё было готово к тому, чтобы окружить и уничтожить как приспешников, прибывших на выручку Ди Фэну, так и самого беглеца!

На просторной площади выстроились ряды мехов, которые один за другим заводили двигатели. Под предводительством двух офицеров они взмыли в небо в разных направлениях и, превратившись в размытые тени, со свистом унеслись вдаль.

Поднятые ими потоки воздуха закружились вихрем, трепля полы черного мундира стоявшего в одиночестве на площади молодого человека. На сильном ветру развевались края одежды, а сам он, стройный и подтянутый, извлек из-за воротника кулон и активировал его. Спустя мгновение перед Сюнь Мулуном опустился огромный мех — угольно-черный, отливающий холодным металлическим блеском.

Этот мех, отмеченный на спине печатью мрачно-красного запретного цвета, был личным знаком молодого генерала Сюнь Мулуна, восходящей звезды имперской армии — «Жажды Синдра».

Джейсон, исполнявший обязанности адъютанта, остался в военном округе. Этот прошедший через бесчисленные сражения генерал-майор в одиночку шагнул навстречу холодному ветру и был перенесен в кабину пилота. Надев легкий и тонкий шлем, Сюнь Мулун открыл глаза.

В глубоких глазах юноши не осталось и следа эмоций, в них лишь холодно отражались строки бегущих данных. Мгновение спустя он разбудил корабельный ИИ:

— «Жажда Синдра», запуск.

В сопровождении мигания красных огней раздался бесстрастный системный голос:

— Выберите режим.

С тонких губ юноши слетело одно слово:

— Боевой режим.

— «Жажда Синдра», боевой режим активирован. Желаю вам победного возвращения!

«Жажда Синдра», будучи лучшим боевым мехом Империи, двигалась с невероятной скоростью, позволив Сюнь Мулуну в кратчайшие сроки выйти на перехват.

Кадус располагался на имперской границе, и вокруг него лежали лишь дикие, отсталые планеты. Одни из них граничили с другими государствами, другие же являлись откровенно преступными мирами, выживающими за счет самых грязных дел. И если туда сбегал кто-то — вне зависимости от его статуса — поймать его потом оказывалось непросто.

Что же касается Ди Фэна, предавшего империю и сливавшего информацию врагам, то после того, как по пути на столичный суд его отбили подельники, самой безопасной дорогой для него был путь на планету Хаоса.

Его подчиненные Лукас и Драмонд уже перекрывали два возможных направления, и теперь от Сюнь Мулуна требовалось лишь одно: дождаться, пока перепуганные крысы сами сунутся в ловушку, и заодно прихлопнуть еще одну — ту, что попыталась воспользоваться моментом и проникнуть в военный округ.

Сюнь Мулун действительно дождался вестей от подчиненных.

— Ваша светлость, как вы и предполагали, мы поймали крысу, — с ноткой восхищения отрапортовал адъютант Джейсон, оставшийся в военном округе для выполнения другого приказа. — Спасибо вам за то, что вы вовремя вызвали отличную майор Чжань Фулин!

Всё произошло именно так, как он и предвидел: противники сделали ставку на два варианта. Если военные бросят все силы на поимку беглеца, то гарнизон останется пустым — самое время для диверсий; если же в тылу останется много командиров и оборона будет сильной, у беглеца появится лишний шанс ускользнуть.

Но к счастью, Сюнь Мулун сразу просчитал этот ход и заблаговременно отозвал из отпуска майора Чжань Фулин, которая с блеском поймала смутьянов на территории военного округа.

— Уведите и допросите как следует, — бросил Сюнь Мулун, заметив на приборной панели мигание предупреждающего индикатора опасности. — В военном округе завелись и другие крысы. Ловите момент и вытяните их за хвост!

Одновременно с завершением вызова механический голос «Жажда Синдра» выдал холодное предупреждение:

— Обнаружено приближение неопознанного боевого корабля. Зафиксирован источник опасности. Вступить ли в бой? Прошу указаний.

Сюнь Мулун отрезал:

— В бой!

Служивший верой и правдой в Кадусе почти десять лет Ди Фэн — служил ли он теперь информатором Тилиоса, «Армии свободы» или какой-то другой фракции... В любом случае этот человек, на которого Сюнь Мулун возлагал такие надежды и которого продвигал, не оправдал его доверия.

С предателями поступают только как с врагами!

Это бегство сложно было назвать метанием наугад: отряд вражеских мехов, зажатый в тиски с двух сторон и явно отличавшийся от армейской техники, несколько раз отчаянно пытался прорвать кольцо. Но имперские войска держали оборону намертво, не оставляя ни единого шанса на побег, и в конце концов прижали их к меху черного цвета с темно-красным отливом.

«Жажда Синдра» возвышалась над ними подобно гигантской горе, преграждая беглецам последний путь к отступлению. Эта громада, несшая в себе разрушительную силу, превратилась в черную молнию и напрямую устремилась к строю беглецов!

Ди Фэн, натянутый как струна с самого момента побега, увидев наконец этот до боли знакомый мех, побледнел и рухнул в объятия пытавшегося спасти его соратника, пробормотав:

— ...«Жажда Синдра»... Генерал... Он и правда пришел сам.

Последняя иллюзия рухнула окончательно.

Спасший его товарищ уже не обращал внимания на Ди Фэна, ради вызволения которого из конвоя они приложили столько усилий. По его лбу катился градом пот, а пальцы дрожали,

совершая последние судорожные попытки спасти положение. Но всё было тщетно: после оглушительного грохота больше десятка мехов разом вышли из-под контроля, лишившись всякой возможности управляться хозяевами.

Нанеся точный удар практически без усилий, Сюнь Мулун легко пресек беглецам путь к отступлению и лишил их машины боеспособности.

Подоспевшие с двух сторон погони отряды неторопливо и методично сузили кольцо окружения. Захватившие чужие мехи металлические захваты намертво притянули всю вражескую технику к их собственным машинам, после чего бесславных пленных оперативно посадили на планете Хаоса.

Драмонд уже связался с местным пограничным гарнизоном, запросив платформы для погрузки пленных, и одновременно отдал приказ экипажам всех двадцати девяти мехов покинуть кабины и построиться для надевания сдерживающих браслетов.

Однако команды Драмонда были проигнорированы: все двадцать девять мехов оставались задраенными, храня полное молчание.

— Решили стоять до последнего? — цыкнул Драмонд и, взломав внешнюю систему связи, принудительно подключился к каналам пленных. — Предупреждаю: три минуты на выход из кабин, иначе я принудительно выкурю вас оттуда силой.

В тот же момент на панели Сюнь Мулуна замигал индикатор связи — запрос шел из самого центра окружения, от того самого меха, в котором находился подтвержденный предатель Ди Фэн.

Сюнь Мулун принял вызов.

— ...Ваша светлость, — раздался в динамиках до боли знакомый голос. — ...Вы пришли.

— Сожалею, что мы встречаемся при таких обстоятельствах, Ди Фэн, — вздохнул Сюнь Мулун.

Ди Фэн, верой и правдой пахавший на Кадус больше десяти лет и имевший все шансы подняться по служебной лестнице при условии дальнейшей аккуратности, — кто бы мог подумать, что он поддастся искушению неведомой Сюнь Мулуну силы и перечеркнет десятилетие собственной преданности.

— Ди Фэн, выходи из кабины и сдавайся. Ты же знаешь, это единственное, что ты должен сейчас сделать.

— Нет, ваша светлость, — ответил Ди Фэн с непоколебимой решимостью. — Я не могу позволить себя поймать. Вы знаете: если меня осудят, на всю мою семью панет клеймо позора.

Я не могу допустить, чтобы мой двухлетний ребенок всю жизнь расплачивался за это несчастье.

— Простите, что предал вас, ваша светлость. Пусть моя жизнь станет искуплением за содеянное.

Сюнь Мулун почувал неладное: не дожидаясь ответа, он принудительно активировал стыковку мехов и внешним усилием взломал чужой шлюз. Внутри, сквозь стекло пульта управления, виднелись две согбенные фигуры. Один из них, облаченный в белую тюремную робу, был Ди Фэном. Сюнь Мулун нахмурился и уже собирался ступить по выдвижному трапу прямо в стыковочный узел, как вдруг произошло непредвиденное. Едва он сделал шаг, как густой и удушливый газ мощной волной хлынул наружу, в мгновение ока поразив его дыхательные пути!

Дрянь!

Сюнь Мулун тут же затаил дыхание и вскинул руку с пистолетом. Раздалось два выстрела — «пам-пам» — и двое затаившихся фигур в масках, попытавшихся вскочить в контратаку, тут же получили пули в плечевые суставы. Превозмогая нарастающее по всему телу онемение, Сюнь Мулун шатаясь отступил назад, в кресло пилота «Жажды Синдра». А в это время по общевойсковым каналам уже неслись непрерывные крики боли!

Атака носила массовый характер!

Поняв это, Сюнь Мулун задавил головокружение и отрывисто приказал:

— Отключить... стыковку...

Договорить он не успел: яд окончательно проник в его организм, погрузив генерала во тьму. В тот самый миг, когда его глаза закрылись, ему показалось, будто он сидит среди травы и цветов, а черная змея, высовывая раздвоенный язык, медленно подбирается к нему...

— ...Хочешь, чтобы твоих подчиненных спасли?

Голос, доносившийся откуда-то из бесконечной дали, прозвучал над ухом с легкой насмешкой.

Потерявший ясность мысли Сюнь Мулун машинально пробормотал:

— Хочу!

— Хочешь поймать беглецов? — голос, то приближаясь, то отдаляясь, снова подбросил наживку.

Сюнь Мулун без колебаний клюнул:

— Хочу!

— Тогда принеси мне жертву... Свое тело... В обмен на мою силу...

Сознание стремительно коченело под натиском парализующего яда. У Сюнь Мулуна не оставалось времени на раздумья, и он отрезал:

— Идет!

Стоило этому слову сорваться с губ, как обжигающая, подобная пламени волна охватила его сердце и мгновенно прокатилась по всему телу. Прежде чем он окончательно лишился чувств, до его слуха донесся знакомый издевательский смешок:

— ...Как рад я буду... воспользоваться твоим телом по своему усмотрению...

Словно бы утрата контроля над собственным телом длилась лишь долю секунды, но когда сознание вернулось к нему вновь, Сюнь Мулун отчетливо понял: он опять провалился в сон.

Знакомое ощущение вновь навалилось на Сюнь Мулуна, но на этот раз — в отличие от предыдущих — он смутно чувствовал восторг обвивавшей его тело и покачивающей хвостом змеи.

Именно восторг.

Холодное гладкое змеиное тело скользило по Сюнь Мулуну, и вскоре вся боевая ярость, что еще теплилась в нем, испарилась без следа, оставив после себя лишь опустошающую усталость.

Время шло, и эта усталость умножалась кратно. Этот до пугающего реалистичный сон отдавался каждой клеточкой его реального тела. Сохраняя лишь крохи самоконтроля, Сюнь Мулун горько усмехнулся: судя по всему, в реальном мире его физическая оболочка сейчас точно так же измотана до предела.

По сравнению с прошлыми сновидениями такую усталость он еще мог принять — иначе не ровен час он стал бы первым генерал-майором в истории Империи, который от стыда покончил с собой из-за эротических снов в присутствии подчиненных.

Неизвестно, сколько прошло времени, но Сюнь Мулун смутно ощутил, как по его телу начинает распространяться тепло.

Кажется... это след от ползущей змеи?

Холодное змеиное тело плавно скользило по облаченному в военный мундир юноше, и там, где чешуя касалась кожи, вспыхивал обжигающий жар. Волна за волной — от щиколоток до самого живота. Наконец змея замерла, свернувшись кольцами у него на груди, прижавшись к сердцу и поднимаясь в такт его дыханию.

Как горячо...

Ни суровые армейские тренировки, ни реальные боевые действия не готовили его к подобному: огонь пожирал его кожу, пробираясь все глубже, к внутренним органам, причем этот смертоносный жар концентрировался прямо поверх сердца.

Каждый вдох, каждый удар пульса сопровождался глухим стоном боли.

Со временем пламя охватило уже не только область сердца: казалось, будто всё его тело — от кожи до кровеносных сосудов — бросили в кипящий котел. Изнутри и снаружи его варили так долго, что он уже почти терял чувствительность.

Сознание Сюнь Мулуна окончательно заволочло туманом. Он не знал, была ли эта похожая на пытку дрема следствием отравления газом или чем-то еще. Он знал лишь одно: он больше не выдерживает.

Впервые в жизни Сюнь Мулун полностью потерял сознание прямо во сне.

— Мулун... Мулун...

— Генерал Сюнь бредит в сильнейшем жару, жду указаний!

— Больше нет времени, нужно принимать решение!

— Нельзя так поступать!

— Разве всё не было решено еще четыре года назад, чего же мы ждем?!

— Прошу вас, отмените приказ!

— ...Позовите его.

— ...Ваше Высочество, потерпите.

Сквозь пелену беспамятства до Сюнь Мулуна доносился какой-то сбивчивый шум. Среди множества голосов — то высоких, то низких — проступали как знакомые, так и незнакомые интонации, а под конец слышался тихий, заставивший его насторожиться стон...

Кто это...

Тело по-прежнему горело, и Сюнь Мулун метался в бреду, пока спустя мгновение вновь не провалился в беспросветный хаос.

В последующие дни Сюнь Мулун то и дело выныривал из темноты, приоткрывая веки. Иногда сквозь мутную пелену проступало лицо отца, порой — матери с выражением глубокой скорби во взоре, а пару раз ему даже мерещился сам император...

Неужели этот газ обладал еще и эффектом отложенных галлюцинаций?

Наслушавшись материнских рыданий, Сюнь Мулун с долей иронии подумал: неужели он так соскучился по родителям, что в минуты телесной немощи его мозг рисует такие призрачные картины? И главное — с чего бы вдруг сюда затесался еще и император?

Не находя этому разумного объяснения, Сюнь Мулун лишь устало зажмурился и погрузился в сон дальше.

Хотя галлюцинации посещали его часто, было и одно утешение: температура, способная сварить человека заживо, начала постепенно падать. Как только жжение в груди и легких утихло, он наконец смог сделать вывод: эти постоянные видения — не игра воображения, всё происходило наяву.

В бессознательном состоянии его перевезли на столичную планету.

Сюнь Мулун пришел в себя ближе к глубокой ночи. Прележав неизвестно сколько времени, юноша чувствовал себя отвратительно — даже чтобы просто открыть глаза, ему пришлось задействовать все оставшиеся силы.

На потолке теплых тонов, в углах которого красовались высеченные королевские эмблемы, тихо горел мягкий, ненавязчивый светильник, заливая изголовье кровати желтоватым светом.

Это был не столичный особняк семьи Сюнь.

Сюнь Мулун мгновенно сообразил: подобные гербы могли принадлежать лишь членам королевской семьи. Иными словами, сейчас он, судя по всему, находился в королевском дворце.

Как он здесь очутился?

Стоило Сюнь Мулуну чуть шевельнуться, как по всему телу прокатилась волна такой дикой боли, будто его разорвали на куски, а затем кое-как сшили обратно. Закаленный в боях генерал-майор от этого мгновенного прострела едва не задохнулся слезами.

Как же так?

Сюнь Мулун больше не смел шевелиться. Он лежал неподвижно, пытаясь восстановить события в памяти.

Попавшись в ловушку при поимке беглеца Ди Фэна, он вдохнул ядовитый газ. Остальной отряд тоже пострадал, и тогда, в отчаянном положении, он заключил сделку со змеей из своего сна.

Что же было после?

Сюнь Мулун никак не мог вспомнить. Единственное, что врезалось в память — это тот безумный, пышущий жаром сон.

Сюнь Мулун с облегчением выдохнул: к счастью, это был не тот кошмар, куда его ночами регулярно затягивало. По крайней мере, насколько подсказывала память, вся одежда осталась на нем.

При мысли об одежде Сюнь Мулун смутно ощутил какой-то подвох.

Касание простыни к телу ощущалось... словно ничем не прерываемое?

Сюнь Мулун замер.

<http://bllate.org/book/21212/2146753>